

Д.А. Вольхин¹, И.Н. Воронин², А.Б. Швец³, А.Н. Яковлев⁴

ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РУБЕЖНОСТИ В КРЫМУ

АННОТАЦИЯ

Рассматривается сущность социокультурной рубежности в полиэтническом регионе. Социокультурная рубежность представлена авторами как маркер ментальной уникальности территории для тех, кто проживает в её пределах, и вероятный источник межэтнических противоречий. В условиях полиэтничного региона, которым является Крым, вероятность существования социокультурного рубежа совпадает с характером его административно-территориального устройства, возникшего после 2014 г. На территории Крымского полуострова появились два субъекта административно-территориального управления Российской Федерации: Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Подобное бицентричное деление Крыма существовало и в период украинской административно-территориальной принадлежности полуострова, только административно-территориальные субъекты назывались, соответственно, Автономной Республикой Крым и городом республиканского подчинения Севастополем. Географически оба субъекта имеют общую границу, которая проходит по территориям Бахчисарайского муниципального района, а также по землям, принадлежащим городу федерального значения Севастополю. В работе рассмотрена вероятность существования ментальных различий у жителей приграничных территорий обоих субъектов административно-территориального устройства Крыма в осознании того, что они принадлежат к разным мирам: городскому с особым политико-географическим статусом (в случае с Севастополем) и сельскому (в пределах одной из аграрных муниципальных территорий Республики Крым). Рассматривается, означает ли искусственно разделённая ментальность наличие у жителей единого в географическом смысле Крымского полуострова разных способов жизни, ценностных ориентаций, миграционной подвижности.

Доказательство существования ментального социокультурного рубежа проводилось авторами на основании опроса сельских жителей, проживающих в 12 приграничных сёлах Севастопольского региона и Бахчисарайского муниципального района Республики Крым. Составлены оригинальные картосхемы результатов опроса сельских жителей внутри крымского административного пограничья. Определены картографические маркеры определения ценностного комплекса жителей приграничных сёл, позволяющие определить степень барьерности социокультурного рубежа между Севастополем и Республикой Крым.

¹ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, Просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; *e-mail*: lomden@mail.ru

² Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, Просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; *e-mail*: voronin.igor45@gmail.com

³ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, Просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; *e-mail*: fusion10@mail.ru

⁴ Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Факультет географии, геоэкологии и туризма, Просп. Академика Вернадского, д. 4, 295007, Симферополь, Россия; *e-mail*: andrey_yakovlev84@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: география, ментальные карты, социокультурная рубежность, Республика Крым, Севастополь

Denis A. Volkhin¹, Igor N. Voronin², Alexandra B. Shvets³, Andrey N. Yakovlev⁴

THE EXPERIENCE OF MAPPING SOCIO-CULTURAL BOUNDARIES IN CRIMEA

ABSTRACT

The article deals with the essence of socio-cultural boundaries in a multiethnic region. Socio-cultural boundaries are presented by the authors as a marker of the mental unique character of the territory for those who live within it, and a likely source of interethnic tensions. In the conditions of the multiethnic region of Crimea, the probability of the existence of socio-cultural boundaries coincides with the nature of its administrative-territorial structure that arose after 2014. On the territory of the Crimean Peninsula, there appeared two subjects of administrative and territorial administration of the Russian Federation: the Republic of Crimea and the Federal city of Sevastopol. Similar bicentric division of Crimea existed during the period of the Ukrainian administrative-territorial ownership of the Peninsula, only the administrative-territorial subjects were called respectively the Autonomous Republic of Crimea and the city of Republican subordination Sevastopol. Geographically, both subjects have a common border, which runs through the territories of the Bakhchisarai municipal district of the Republic of Crimea, as well as the lands belonging to the Federal city of Sevastopol. The paper considers the possibility that the residents of the border territories of both subjects of the administrative-territorial structure of Crimea have mental differences in the awareness that they belong to different worlds: the urban one with a special political and geographical status in the case of Sevastopol and the rural — within one of the agrarian municipal territories of the Republic of Crimea. Does the artificially divided mentality mean that the inhabitants of the geographically united Crimean Peninsula have different ways of life, value orientations, and migration mobility?

The proof of the existence of mental socio-cultural boundaries has been presented by the authors on the basis of a survey of rural residents living in 12 border villages of the Sevastopol region and the Bakhchisarai municipal district of the Republic of Crimea. The original maps of the results of the survey of rural residents within the Crimean administrative border have been constructed. The cartographic markers to define the values of residents of the border villages have been determined, which allows to establish the degree of manifestation of the socio-cultural boundaries between Sevastopol and the Republic of Crimea.

KEYWORDS: geography, mental maps, socio-cultural boundaries, Republic of Crimea, Sevastopol

ВВЕДЕНИЕ

Представление об устойчивом развитии территории предполагает учёт всех факторов устойчивости. Социокультурная рубежность — один из факторов прогнозируемого развития многих социальных процессов в пределах регионов, имеющих

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail*: lomden@mail.ru

² V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail*: voronin.igor45@gmail.com

³ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail*: fusion10@mail.ru

⁴ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Akademika Vernadskogo Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia; *e-mail*: andrey_yakovlev84@mail.ru

полиэтнический характер. Географическое изучение социокультурной рубежности неизменно подтверждает её сущностное содержание — быть разделительной и одновременно объединительной линией, формирующей такое свойство территории, как уникальность. В полиэтнических регионах социокультурная рубежность нередко маркирует территории с латентными этноконфессиональными противоречиями, возникновение которых связано с различиями в ценностных комплексах, мотивациях поведения, ощущениях «чувства места» у представителей разных культур.

Крым как полиэтнический регион юго-западного сектора Евразии имеет проявления социокультурной рубежности разных пространственных уровней. Территория полуострова находится на макроуровне социокультурной рубежности между цивилизациями Востока и Запада. Крымский социум представлен многообразием мезорубежности исламской и христианской культур. На микрорегиональном уровне обнаруживается рубежность урбанистическая и руральная. Этот вид социокультурной рубежности имеет корневой характер для всех иных уровней крымского порубежья. В его пределах зарождаются региональная идентичность и ментальный комплекс, именуемый «малой родиной».

Традиционные методы исследования, применяемые в общественной ветви географических наук, часто не раскрывают многогранность социокультурной рубежности. Это предмет междисциплинарного поиска, исследующий достаточно абстрактные компоненты — поведение людей, их менталитет. Для таких сложных феноменов мало математических или статистических методик, хотя количественный анализ позволяет выявить тенденции развития социокультурных рубежей как части социальных процессов территории. В этом отношении картографический метод исследования позволяет соединить точность расчётной базы исследования с интуицией самих исследователей.

Наличие разноуровневой социокультурной рубежности в Крыму, дополненной изменением статуса его административно-территориальных границ после вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г., определили цель нашей работы: выяснить при помощи картографического метода особенности формирования социокультурной рубежности микрорегионального уровня в пределах Крыма для уточнения объективности его современного административно-территориального устройства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование социокультурной рубежности в Крыму выполнено в традиции изучения пространственных рубежей, широко представленной в трудах В.А. Дергачёва [1998] и В.А. Колосова [Российское пограничье..., 2018]. Методика доказательства существования социокультурной рубежности в центральных регионах Украины апробирована А.Б. Швеца и Н.Н. Масловой [2008]. Эволюция картографических образов административно-территориальных единиц Крыма в различных исторических условиях проведена в работе С.А. Ефимова, С.Г. Угаровой, О.А. Селезнёвой [2007] и А.Г. Шевчука и др. [2006], а также в Атласе Автономной Республики Крым [2003].

Изучение социокультурной рубежности на крымском материале было проведено с использованием метода картографической интерпретации результатов опроса сельских жителей, проживающих в населённых пунктах Бахчисарайского муниципального района Республики Крым (Угловое, Суворово, Залесное, Железнодорожное, Холмовка, Соколиное) и входящих в состав Нахимовского и Балаклавского районов города федерального значения Севастополя (Андреевка, Вишнёвое, Терновка, Верхнесадовое, Фронтное, Родниковое). Выбор населённых пунктов был основан на их приграничном положении относительно главного административно-территориального рубежа Крыма, разделяющего Республику Крым и территорию г. Севастополя (в дальнейшем Севастопольского городского региона). Указанный административный рубеж

сформирован исторически, подчёркивая особый статус главной базы Черноморского флота России в Севастополе и одновременно закрепляя в менталитете жителей Крымского полуострова два «разных» Крыма.

Сельские поселения внутрикрымского приграничья выбирались попарно с учётом близости их географического положения по обеим сторонам административного рубежа. Учитывалось подобие географического положения населённых пунктов: приморское, придорожное (вблизи авто- и железнодорожных магистралей), долинного (в пределах речных долин), удалённого (в пределах горных территорий).

Генеральная совокупность опрашиваемых жителей в указанных выше населённых пунктах была сформирована лицами старше 18-ти лет: сёла Угловое (2 550 чел.), Суворово (390 чел.), Залесное (222 чел.), Железнодорожное (970 чел.), Холмовка (1 799 чел.), Соколиное (947 чел.), Андреевка (1 319 чел.), Вишнёвое (679 чел.), Терновка (1 739 чел.), Верхнесадовое (2 071 чел.), Фронтное (760 чел.), Родниковое (543 чел.). Число лиц, проживающих в населённых пунктах внутрикрымского приграничья, приведено по данным «Итогов Переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 года»¹.

Общее количество респондентов опроса составило 120 человек. От 7 111 жителей отобранных населённых пунктов Севастопольского городского региона, достигших возраста 18 лет и старше, доля опрошенных составила 0,87 %, а от 6 878 человек, означенной возрастной группы, проживающих в Бахчисарайском муниципальном районе, — 0,84 %. Общая доля выборочной совокупности опрошенных в численности сельских жителей Севастопольского городского региона и Бахчисарайского муниципального района достигает 0,86 %. Этот показатель достаточен для репрезентативности результатов опроса, отобразившего мнение генеральной совокупности жителей исследуемых территорий.

Половозрастная структура генеральной совокупности опрошенных респондентов в целом отображает половозрастную структуру сельского населения Крыма. В опросе приняли участие жители в возрасте 46–60 лет — 30 % генеральной совокупности; старше 60 лет — 27 %; 31–45 лет — 26 %; до 30 лет — 17 %. Большую часть ответов опроса давали женщины — 54 %; соответственно доля мужчин составила 46 %.

Национальная структура опрашиваемых формировалась случайной выборкой, в результате чего 62 % участников опроса от их общей численности составили русские, 22 % — крымские татары, 14 % — украинцы, 2 % — представители других национальностей.

Все материалы для опроса были подготовлены авторами работы, которые 6–7 июля 2019 г. провели опрос жителей внутрикрымского приграничья, обработали его результаты и составили авторские картосхемы, позволившие определить наличие у жителей исследуемой территории варианты региональной идентичности. Именно этот вид идентичности, по нашему мнению, позволяет определить присутствие в менталитете жителей исследуемых территорий социокультурной рубежности как варианта отношения к тому месту, где они живут.

Картографические материалы опроса сельских жителей Бахчисарайского муниципального района и Севастопольского городского региона выполнены авторами в традициях разработки ментальных карт [Веселкова, 2010; Грибок, 2008; Чихичин, 2006; Шенк, 2001; *Le Rider*, 2008; *Jacobson*, 2006], Wolff². Этот вариант картографирования наиболее распространён в пограничных с социологией методиках исследования

¹ Итоги Переписи населения в Крымском федеральном округе. Электронный ресурс: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html (дата обращения 04.01.2020)

² Wolff L. A New Mental Map of the World. The New York Times Opinion. 2001. June 28. Электронный ресурс: <https://www.nytimes.com/2001/06/28/opinion/a-new-mental-map-of-the-world.html> (дата обращения 02.01.2020)

территорий и позволяет, по мнению Н.В. Веселковой, визуализировать «самодостаточный эмпирический материал», «спровоцированный» исследователем у информантов вербально для целей изучения объектов, имеющих ментальную природу [Веселкова, 2010, с. 5, 7].

Несмотря на то, что толкование понятия «ментальная карта» в общественной ветви российской географии представляется дискуссионным [Калуцков, 2017; Митин, 2018], авторы сочли возможным использовать алгоритм составления именно такого рода картосхем. Считаем, что ментальные картосхемы выполняются по двум направлениям, использованным в работе:

- визуализировать информацию, полученную о территории и существующую в сознании опрошенных жителей внутрикрымского приграничья;
- актуализировать способами традиционного картографирования статистическую информацию о территории, полученную в источниках официальной переписной статистики и соотнести её с ментальными представлениями жителей внутрикрымского приграничья. О подобном сопоставлении упоминается в работе Б.Б. Серапинаса [2007].

Разрабатывая сюжеты картосхем, авторы учитывали функцию и тематику вопросов, которые задавались в специально подготовленной анкете информантам. Способы картографирования применялись в зависимости от типа вопроса в анкете. Все результаты опроса привязывались к конкретному населённому пункту. В качестве ключевых были выбраны следующие способы картографирования: для закрытых и полужакрытых простых вопросов — *способы значков и локализованных диаграмм*; для картографирования ответов на закрытые и полужакрытые сложные (многокомпонентные) вопросы были подобраны *локализованные диаграммы матричного типа и векторные диаграммы*, обладающие высокой информационной ёмкостью.

По результатам картографирования перечисленными выше способами составлены тематические карты: «Малая родина» в представлениях жителей внутрикрымского приграничья»; «Особый статус» Севастопольского городского региона в представлениях жителей внутрикрымского приграничья», «Причины и частота поездок жителей приграничных сёл Севастопольского городского региона и Бахчисарайского района» (рис. 1–3).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предположение о существовании социокультурного рубежа на микрорегиональном (внутрирегиональном) уровне Крымского п-ова основано на исторических особенностях его освоения и формирования административно-территориального устройства. Смысл социокультурного освоения территории Крымского п-ова после его присоединения к России в XVIII в. заключается в том, что в его пределах началось формирование двух образов полуострова. Оба были и до сих пор остаются проявлением бисубъектности административно-территориального устройства Крыма. Один образ Крыма пространственно совпадает с его юго-западной частью, где на побережье одной из многочисленных черноморских бухт в 1783 г. был заложен г. Севастополь. Второй образ Крыма связан с его центрально-северными, южными и восточными регионами, условно объединяемыми нами в геоконцепт «Иной Крым».

Юго-западный Крым с полюсом развития в Севастополе осваивался Россией в разные исторические периоды как военно-морской форпост в черноморском регионе, созданный для контроля и оперативного реагирования на возможное вторжение потенциального противника. С 1804 г. город приобрёл статус главного военного порта Крыма, сохранив его до настоящего времени. В проектах Г.А. Потёмкина, одного из основателей крымского военно-морского форпоста, Севастополю готовилась роль южной («полуденной») столицы Российской империи, наряду с северным Петербургом [Екатерина II, 1997].

Спустя столетие после своего основания Севастополь получил статус градоначальства, расширив свои границы за счёт сельского хинтерланда. С этого момента и до настоящего времени Севастополь постепенно превращался в город-регион с особым военно-политическим статусом. В состав Севастопольского региона вошли города Инкерман и Балаклава, посёлки Кача и Ласпи, а также 36 сельских населённых пунктов. К 2019 г. площадь Севастопольского региона составляла 863,6 км², из которых лишь 15 % было занято землями жилой и деловой застройки, промышленными предприятиями, инфраструктурными объектами, а остальная территория представляла земельный фонд сельскохозяйственного назначения, особо охраняемых территорий, лесных и военных объектов¹.

В советский период военно-политическая особенность административного статуса Севастополя чрезвычайно усилилась. В этот регион жители остальной части Крыма могли попасть лишь по специальным пропускам, которые предоставлялись им лишь в том случае, если в Севастополе жили близкие родственники или проезд в город был связан с производственной необходимостью. В Севастополь стремились попасть после выхода в отставку военные моряки со всех флотов бывшего Советского Союза. Это подпитывало культурный код города представлением об особом порядке проживания в нём, основанном на военной дисциплине и чувстве патриотизма. Исключительность миссии Севастополя усиливалась тем, что он неоднократно становился центром судьбоносных для региона, страны и даже мира событий, получив статус «города русской славы, героических оборон, города-героя».

Таким образом, менталитет жителей Севастопольского региона имел несколько стойких источников формирования, способных обособлять его в пределах Крымского полуострова: город-форпост; город-история; город-патриот. Заметим, что все варианты социокультурной исключительности Севастополя подкреплялись его административным статусом: в советский период это был город республиканского подчинения, в украинский — город со специальным статусом, с 2014 г. — город федерального значения.

«Иной Крым» граничит с Севастопольским регионом территориями двух административных единиц: Бахчисарайского муниципального района и городского округа Ялты. Ялтинская часть внутрикрымского приграничья расположена в горных, мало заселённых районах. По этой причине мы исключили её из состава изучаемых, оставив только Бахчисарайский муниципальный район. Его территория органично входит в полиструктурный ментальный комплекс «Иного Крыма», территориально совпадающего с Республикой Крым (Автономной Республикой Крым до 2014 г.), поскольку обнаруживает несколько важнейших историко-географических особенностей, присущих той территории Крымского полуострова, которая не входит в Севастопольский регион. Бахчисарайский муниципальный район, в отличие от Севастопольского региона, никогда не имел режима закрытой для посещений территории. Свою особенность он формировал как «регион-история», место пересечения ценностей ислама и христианства. Административный центр района г. Бахчисарай выполнял, подобно столице современной Республики Крым Симферополю, функцию собирателя земель в Крымском ханстве. На рубеже XV–XVI вв. здесь располагалась столица Крымского ханства, а в последующее время, вплоть до первой трети XVIII в., Бахчисарай оставался крупнейшим из торгово-ремесленных городов ханства и юго-запада Крыма. На территории современного Бахчисарайского района находится множество памятников средневековой истории Крыма. Наиболее известными из них считаются вырубленные в скалах пещерные комплексы городов-крепостей Чуфут-Кале, Мангуп, Эски-Кермен, Бакла и др., расположенные на горных плато. Эти поселения ещё в V–VI вв. стали использоваться как торговые и

¹ Сведения о распределении земельного фонда города Севастополя по состоянию на 01.01.2019. Электронный ресурс: http://sevreestr.ru/actions/act-mon/mon_zem_18 (дата обращения 05.01.2020)

оборонительные реперы на пути из степного Крыма в греческий Херсонес, а в VII–IX столетиях в период иконоборчества пещерные города Крыма укрывали монахов из Малой Азии и Греции, превратившись в центры сохранения христианской культуры.

Таким образом, Бахчисарайский муниципальный р-н располагает не только общими для «Иного Крыма», но и своими собственными историко-географическими предпосылками формирования в его пределах социокультурной рубежности, отражённой в менталитете жителей.

Используя термины «*рубеж*», «*рубежность*», авторы учитывают их семантическую близость с понятием «*граница*». Вместе с тем мы солидарны с мнением В.П. Семёнова-Тян-Шанского о том, что *рубежи* — это линии резкой смены геокомпонентов, а границы оконтуривают полосы постепенных переходов [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. Для того чтобы выяснить характер внутрикрымского административного пограничья и отнести или исключить его из категории социокультурных рубежей, нами были разработаны три блока вопросов для проведения анкетирования в районе внутрикрымского пограничья.

Первый блок вопросов позволял определить сформированность у жителей приграничных сёл Бахчисарайского р-на и Севастопольского региона ментального геоконструкта «малой родины». Результаты ответов на вопрос о «малой родине» для жителей внутрикрымского приграничья отражены на рис. 1.

Значительная часть генеральной совокупности опрошенных жителей внутрикрымского приграничья (47,5 %) выбрала следующий вариант ответа о «малой родине»: «весь полуостров Крым». Пятая часть респондентов (21,7 %) определила границы «малой родины» в пределах собственного населённого пункта. Севастопольский регион считают «малой родиной» 17,5 % респондентов, а Бахчисарайский р-н — 4,2 %; чуть более 9 % опрошенных внутрикрымского приграничья выбрали «другой вариант» или затруднились с ответом. Общекрымская идентичность в представлениях о «малой родине» в большей степени присуща жителям приграничных сёл Бахчисарайского р-на. Здесь 61,7 % респондентов назвали своей «малой родиной» весь полуостров Крым, 16,7 % — родное село, 8,3 % — Бахчисарайский р-н, 6,7 % — другой вариант. Жители Севастопольского региона менее склонны к общекрымской идентичности, определяя границы своей «малой родины» в пределах всего Крымского полуострова лишь в 33,3 % ответов. В границах Севастопольского региона «малую родину» видят 30,0 % сельских жителей Севастопольского приграничья, а в пределах родного села — 26,7 %.

Вопрос о границах «малой родины» был дополнен в анкете ответами о том, жителями какой территории считают себя респонденты. 71,7 % жителей Бахчисарайского района считают себя жителями Крыма и 18,3 % из них не отделяют Севастопольский регион от остальной части Крымского п-ова; 38,3 % респондентов, проживающих в сёлах Севастопольского приграничья, назвали себя жителями Севастопольского региона, 35,0 % — жителями Крыма, 25,0 % — не отделяют Севастопольский регион от Крыма.

Результаты ответов по сущностному определению «малой родины» и «территории проживания» указывают на то, что у сельских жителей Севастопольской части приграничного региона общекрымская идентичность выражена меньше, в сравнении с жителями сёл его Бахчисарайской части. Проявленность этого тезиса обнаруживается особенно ярко в таких сёлах внутрикрымского административного приграничья, как Фронтное (г. Севастополь) и Холмовка (Бахчисарайский р-н). Эти населённые пункты расположены в долине р. Бельбек на расстоянии менее 1 км друг от друга. Вектор укоренённости в своём регионе преобладает над общекрымским практически во всех сельских населённых пунктах Севастопольской части внутрикрымского приграничья.

Второй блок вопросов анкеты был составлен и обработан картографически с целью определения природы «особости» Севастопольского региона в составе Крыма (рис. 2).

Рис. 1. «Малая родина» в представлениях жителей внутрикрымского приграничья
Fig. 1. "Small motherland" in the perception of the Crimean border line residents

Респондентам по обе стороны внутрикрымской административной границы задавался вопрос: «Для вас Севастопольский регион является особой территорией или частью всего Крыма?» 61,7 % опрошенных считают Севастопольский регион частью всего Крыма, треть респондентов выделили его в особую территорию.

В разрезе сёл административного приграничья мнения жителей несколько отличались. Севастопольцы прогнозируемо в большей степени подчёркивали «особость» своего региона (36,7 % против 25,0 % результатов в Бахчисарайском р-не). В отдельных населённых пунктах приграничья в Бахчисарайском р-не (сёлах Железнодорожное и

Залесное) представление об особости Севастопольского региона доминировало. Возможно, сказывалось транзитное положение этих населённых пунктов на автомагистралях и железнодорожной линии, позволяющее их жителям проще связываться с Севастополем, нежели с Бахчисараем.

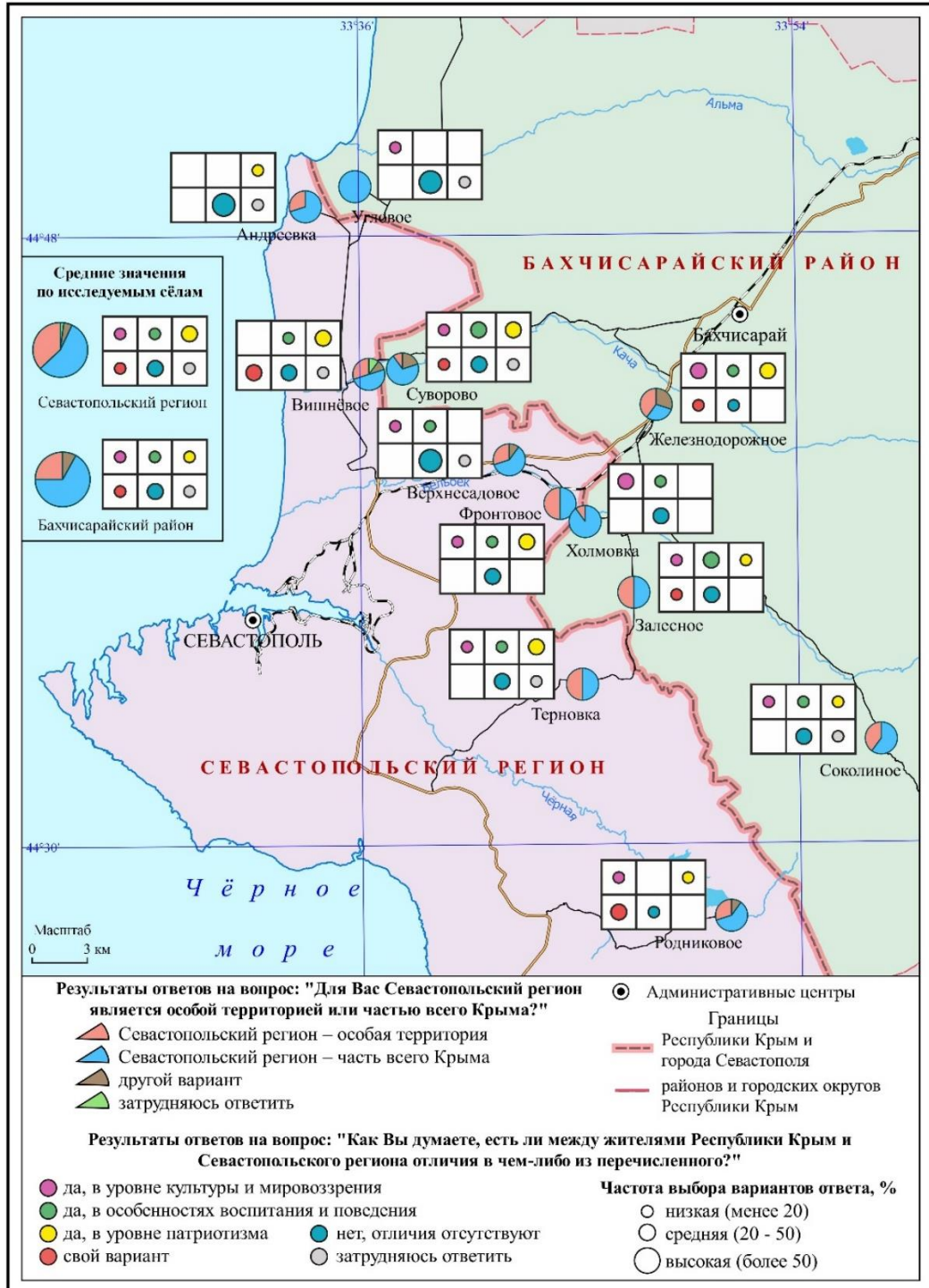

Рис. 2. «Особый статус» Севастопольского городского региона в представлениях жителей внутрикрымского приграничья
 Fig. 2. The "special status" of the Sevastopol urban region in the perception of the Crimean border line residents

Чтобы определить степень проявленности социокультурной и ментальной границы по административному рубежу Севастополя и Республики Крым, в анкету был включён вопрос о сущности различий между жителями двух субъектов. Обобщая результат ответов на этот вопрос, отметим, что 49,2 % респондентов отметили наличие различий между жителями двух крымских субъектов, 43,3 % указали на отсутствие таковых, 7,5 % затруднились с ответом. Примечательно, что в такой постановке вопроса (да/нет) результаты по Севастопольскому региону и Бахчисарайскому р-ну оказались практически одинаковыми. Уточнения имеющихся отличий между жителями сопредельных территорий распределились следующим образом: севастопольцы чаще определяли эти отличия в области патриотизма (21,0 %), а жители Бахчисарайского р-на считали, что Севастопольский регион отличается от остального Крыма иной уровнем культуры и мировоззрения (19,4 %). Отметим, что, отвечая на вопросы о региональных отличиях Севастопольского региона, каждый десятый респондент расширял список имеющихся вариантов ответа своим видением этого феномена. К примеру, в число отличий были отнесены уровень доходов севастопольцев, качество их жизни и даже наличие «бóльшего числа олигархов на территории Севастополя».

В разрезе сёл по вопросу о характере особенности Севастопольского региона сложно найти единство мнений. На картосхеме (рис. 2) не существует ни одной повторяющейся матричной диаграммы. Отмечено влияние географической удалённости сёл приграничья на снижение разнообразия и частоты выбора респондентами вариантов ответа на поставленный вопрос об особенности Севастопольского региона. Показательными в этом отношении являются ответы жителей сёл Соколиное и Родниковое, расположенных в горной местности исследуемого приграничья. Наиболее категоричными в пользу отсутствия каких-либо различий между жителями двух регионов были респонденты из сёл Андреевка и Верхнесадовое Севастопольского региона, а также Угловое Бахчисарайского р-она.

Третий блок вопросов анкеты позволял определить закреплённость представлений жителей внутрикрымского приграничья о месте проживания в зависимости от их мобильности (рис. 3). Во время поездок за пределы своего населённого пункта люди непроизвольно обмениваются духовными ценностями, пересекают ментальные поля разных культур, расширяют представления о родном крае, подвергаются демонстрационному эффекту поведения, воспринятому в поездках за пределы пространства повседневности. Подобная ситуация особенно актуальна для периферийных, удалённых от экономических и административных центров поселений, которые в определённой степени были характерны для внутрикрымского пограничья. В связи с этим, в ходе нашего исследования респондентам были заданы вопросы о причинах и частоте их поездок за пределы своего села в Севастопольский регион и другие р-ны Республики Крым.

Результаты опроса показали, что жители внутрикрымского приграничья отличаются слабой мобильностью: более 66 % респондентов указали, что покидают населённый пункт постоянного проживания не более 1 р. в месяц, еженедельные поездки совершают 33 % опрошенных, из них регулярно — 15 %. Для Бахчисарайско-Севастопольского приграничья характерна активная маятниковая миграция жителей Бахчисарайского р-на в Севастопольский регион. Еженедельно около 40 % опрошенных бахчисарайских жителей приграничья (из них 23 % — более 1 р. в неделю) выезжает с целью покупок или продажи товаров, а также за медицинскими услугами в Севастополь. В другие районы и города Республики Крым из приграничных сёл Севастополя и Бахчисарайского района еженедельно выезжает не более 26 % всех опрошенных. Таким образом, Севастопольский регион является более привлекательным для населения обеих сторон приграничья. Это дополнительно подтверждают мало изменившиеся границы

Севастопольского регионального рынка труда, установленные одним из авторов статьи ещё в 2000 г. [Воронин, 2000]. В сферу трудового притяжения Севастополя попадают практически все приграничные населённые пункты, территориально входящие в современный Бахчисарайский муниципальный р-н.

Рис. 3. Причины и частота поездок жителей приграничных сёл Севастопольского городского региона и Бахчисарайского района
 Fig. 3. Reasons and frequency of trips of residents of border villages of the Sevastopol urban region and Bakhchisarai district

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование не даёт однозначного ответа на вопрос о том, что в пределах Крыма существует «классический» с резкими переходами социокультурный рубеж между Республикой Крым и Севастопольским городским регионом. Вернее определять внутрикрымское пограничье как *административно-территориальную границу с признаками социокультурной рубежности*. О социокультурном характере внутрикрымской границы свидетельствует наличие у жителей приграничных сельских населённых пунктов общекрымской и севастопольской идентичности. Её проявленность зафиксирована в ответах на вопросы анкеты о понимании границ «малой родины», а также о существовании ментальных различий между «Иным Крымом», территориально совпадающим с Республикой Крым и Севастопольским городским регионом.

Вместе с тем представления жителей внутрикрымского приграничья о том, что патриотизм, высокий уровень жизни и культуры — главные отличительные черты жителей Севастопольского городского региона, не могут быть надёжными маркерами региональной идентичности. Подобные характеристики можно обнаружить практически для каждого крупного городского населённого пункта, являющегося притягательным социальным объектом для сельского населения. Очевидно, для корректировки отличительных черт Севастопольского региона следует расширить географию опросов, подключая в неё информацию из других городов Крыма.

Картографирование результатов опросов общественного мнения занимает особое место в тематической социально-экономической картографии и является слабо разработанным разделом. Использование карт результатов социологических опросов следует рассматривать как важный инструмент в объяснении социальных процессов, спроецированных на какую-либо территорию, а также носящих пространственный характер или формирующихся под действием географических факторов. При составлении и интерпретации подобных карт следует учитывать ряд особенностей. Картографируя результаты, полученные в отдельных точках пространства путём выборочного опроса, исследователю необходимо с особой осторожностью выполнять процедуру их экстраполяции для выявления общих трендов социокультурных процессов для всей изучаемой территории. Эта процедура даёт верный результат только в случае репрезентативности выборки и корректного определения точек опроса. Методически верно выстраивать серию картографических произведений с переходом от простых аналитических карт к комплексным. Удачно разработанный картографический сюжет, составленный по результатам нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих вопросов исследования, даёт возможность выполнить разносторонний и глубокий анализ, выявить корреляционные зависимости, пространственные отношения и обобщить полученные результаты об особенностях социокультурных процессов. Особенно важно учитывать эти положения в атласном картографировании, требующем серийности сюжетов и их внутренней взаимосвязи.

Ментальные карты, разработанные в ходе изучения представлений жителей внутрикрымского пограничья, убеждают авторов в том, что этот вариант картографирования вполне корректен для выявления территориальных различий в степени проявленности региональной идентичности. В случае с внутрикрымским пограничьем ментальные карты могут подтвердить или опровергнуть мысль об искусственном разделении территории Крымского п-ова на два субъекта управления: Республику Крым и город федерального значения Севастополь. Это разделение исторически сохраняет военно-политический, а не социокультурный характер. Косвенным подтверждением сказанному служит незавершённость процесса делимитации 106-километровой административно-территориальной границы между Республикой Крым и городом федерального значения Севастополем, начатой ещё в 2017 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ; проект № 20-05-00725.

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by RFBR; project No 20-05-00725.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас Автономной Республики Крым. Киев-Симферополь, 2003. 30 с.
2. *Веселкова Н.В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования. Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2010. № 31. С. 5–29.
3. *Воронін І.М.* Формування територіальної системи ринку праці в нових економічних умовах (на прикладі АРК і м. Севастополь). Автореф. дис... канд. геогр. н. Одеса: Одеський державний університет ім. І.І. Мечнікова, 2000. 16 с.
4. *Грибок М.В.* Картографическое отображение воздействия средств массовой информации на формирование образов регионов России. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2008. № 4. С. 41–45.
5. *Дергачёв В.А.* Раскалённые рубежи. Одесса: Астропринт, 1998. 104 с.
6. Екатерина II. Г.А. Потёмкин. Личная переписка (1769–1791). М.: Наука, 1997. С. 172–173.
7. *Ефимов С.А., Угаров С.Г., Селезнёва О.А.* Геоинформационная реконструкция административно-территориального устройства Крыма как опыт развития электронно-картографических сегментов библиотек. Культура народов Причерноморья, 2007. № 100. Т. 2. С. 105–112.
8. *Калуцков В.Н.* О ментальных картах, terra incognita и географической картине мира. Псковский регионологический журнал, 2017. № 4 (32). С. 54–67.
9. *Митин И.И.* Ментальные карты как инструмент комплексного культурно-географического исследования: анализ подходов. Географический вестник, 2018. № 4 (47). С. 21–33.
10. Российское пограничье: вызовы соседства. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.
11. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.–Л., 1928. С. 9–15.
12. *Серापинас Б.Б.* Мысленные геообразы и ментальные геоизображения. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2007. № 1. С. 8–12.
13. *Чихичин В.В.* Географический анализ образов городов Ставропольского края. Дисс. ... канд. геогр. н. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2006. 181 с.
14. *Швец А.Б., Маслова Н.Н.* Социокультурная рубежность центральноукраинского пространства. Культура народов Причерноморья, 2008. № 129. С. 27–32.
15. *Шевчук А.Г., Беднарский И.Г., Швец А.Б., Ефимов С.А., Кравцова Л.П.* Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. Симферополь: Таврия, 2006. 72 с.
16. *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования, 2001. № 4. С. 4–17.
17. *Jacobson D.* Mental maps. Encyclopedia of Human Geography. Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
18. *Le Rider J.* Mitteleuropa, Zentraleuropa, Mitteleuropa: A mental map of Central Europe. European Journal of Social Theory, 2008. No 11 (2). P. 155–169.

REFERENCES

1. Atlas of the Autonomous Republic of Crimea. Kiev-Simferopol, 2003. 30 p. (in Russian).

2. Catherine II. G.A. Potemkin. Personal correspondence (1769–1791). Moscow: Nauka, 1997. P. 172–173 (in Russian).
 3. *Chihichin V.V.* The geographical analysis of images of the Stavropol territory cities. The thesis of PhD of geogr. sc. Stavropol: Stavropol State University, 2006. 181 p. (in Russian).
 4. *Dergachev V.A.* Red-hot borders. Odessa: Astroprint, 1998. 104 p. (in Russian).
 5. *Efimov S.A., Ugarov S.G., Seleznyova O.A.* Geoinformational reconstruction of the administrative-territorial structure of Crimea as an experience in the development of electronic cartographic segments of libraries. The Culture of the Black Sea Peoples, 2007. No 100. V. 2. P. 105–112 (in Russian).
 6. *Gribok M.V.* Mapping of the impact of mass media on the formation of images of the regions of Russia. Herald of Moscow University. Series 5. Geography, 2008. No 4. P. 41–45 (in Russian).
 7. *Jacobson D.* Mental maps. Encyclopedia of Human Geography. Thousand Oaks, CA –London – New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
 8. *Kalutskov V.N.* About mental maps, terra incognita and the geographical picture of the world. Pskov Regional Journal, 2017. No 4 (32). P. 54–67 (in Russian).
 9. *Le Rider J.* Mitteleuropa, Zentraleuropa, Mitteleuropa: A mental map of Central Europe. European Journal of Social Theory, 2008. No 11 (2). P. 155–169.
 10. *Mitin I.I.* Mental maps as an instrument of complex cultural geographical research: analysis of approaches. Geographical Bulletin, 2018. No 4 (47). P. 21–33 (in Russian).
 11. Russian Borderland: Challenges of Neighborhood. Moscow: I.E. Matushkina I.I., 2018. 562 p. (in Russian).
 12. *Semenov-Tyan-Shanskij V.P.* The district and country. Moscow–Leningrad, 1928. P. 9–15 (in Russian).
 13. *Serapinas B.B.* Mental geopictures and mental geoimages. Herald of Moscow University. Series 5. Geography, 2007. No 1. P. 8–12 (in Russian).
 14. *Shenk F.B.* Mental maps: constructing geographical space in Europe. Political Science. Political Discourse: History and Modern Research, 2001. No 4. P. 4–17 (in Russian).
 15. *Shevchuk A.G., Bednarskij I.G., Shvets A.B., Efimov S.A., Kravcova L.P.* Administrative-territorial structure of Crimea in documents and cartographic images of the 18th–21st cc. Simferopol: Tavriya, 2006. 72 p. (in Russian).
 16. *Shvets A.B., Maslova N.N.* Socio-Cultural boundary of the Central Ukrainian space. The Culture of the Black Sea Peoples, 2008. No 129. P. 27–32. (in Russian).
 17. *Veselkova N.V.* Mental maps of the city: questions of methodology and practice of use. Sociology: Methodology, Methods, Mathematical modeling, 2010. No 31. P. 5–29 (in Russian).
 18. *Voronin I.M.* Formation of the territorial system of the labor market in the new economic conditions (exemplified by the ARC and Sevastopol). The thesis of PhD of geogr. sc. Odessa: Odessa State University named after I.I. Mechnikov, 2000. 16 p. (in Ukrainian).
-